

ПАМЯТНИК ДАКТИЛОХОРЕИЧЕСКОМУ ВИТЯЗЮ

<отрывок>

АПОЛОГИЯ ТИЛИМАХИДЫ И ШЕСТИСТОПОВ

П. Согласен в том, что Тилимахида может быть поводом к чему-нибудь смешному, но чтобы в ней что-нибудь было хорошее — нет, нельзя.

Б. Да ты ее не читал.

П. Что нужды в том, что я ее не читал от доски до доски; но разверни ее где хочешь, то везде найдешь нелепость.

Б. А я ее читал, правда случайно, и вот что я о ней думаю. Поелику Тредьяковский отвечает только за стихи, то надлежит сказать, во-первых, что по несчастью его он писал русским языком прежде, нежели Ломоносов впечатлел россиянам примером своим вкус и разборчивость в выражении и в сочетании слов и речей сам понесся путем не-

проложенным, где ему вождало остроумие; словом, прежде, нежели он показал истинное свойство языка российского, нашед оное забыто в книгах церковных; потому Тредьяковскому и невозможно было переучиваться. Тредьяковский разумел очень хорошо, что такое стихосложение и, поняв нестройность стихов Симеона Полоцкого и Кантемира, писал стихами такими, какими писали греки и римляне, то есть для российского слуха совсем новыми; но, зная лучше язык Виргилиев, нежели свой, он думал, что и преношения в российском языке можно делать такие, как в латинском. Несчастье его было то, что он, будучи муж ученой, вкуса не имел. Он столь упитан был чтением правил стихосложных, употребляемых древними, и столь знал красоты их благогласия, что явственно тому подражал, и в Тилимахиде много стихов...

П. Апология, защищение, по речению какого-то автора; и омег можно заглушить медом; ты шутишь, защищая нечестности первого нумера.

Б. Не шучу, и в доказательство разогнем Тилимахиду:

«Но на ближних горах зеленели кусты виноградны,
Конх листвия, как венки и цепочки висели,
Грозды красней багреца не могли под листом укрыться».

П. Правда, стихи изрядные.

Б. Такие, каких очень мало в лучших сочинениях.

«Пристань и вся земля убежать создади нас казались».

П. Стих посредственной.

Б. Изрядной, если бы не было Галлицизма: *убегать казались*.

«Та разлука | была мне вместо Перунна удара».

П. Хорош.

Б. Не только хорош, но и очень хорош, ибо препинание стиха первое после слова *разлука*, другое и скорое затем после *мне*, а потом непрерывно два дактиля, долгая, ударяя или запиная, совсем на *у* в *Перунна*, за *у* повторительное и глухое *нна* и за ними привскакивающее краткое *у*, и наконец, падающее, раздающееся в слухе *да*, с окончанием *ра*, делают сей стих хорошим; поставь его в другое место, а не в Тилимахиду, то всяк скажет хорош.

П. Неужели ты сие говоришь не в шутку?

Б. Не шутка, конечно: повтори чтение, читай по стопам слов, как то велит читать Клопшток, то есть следующим образом:

«Та разлука | была мне | вместо Перунна удара».

И если разыщешь сей стих еще больше и раздобишь его, то найдешь, что сверх числительных звонкости, в нем есть еще сие изящное уподобительное благогласие, коего столь изобильные примеры находятся в Омире, в Вергилии и во всех великих стихотворцах.

«Добры́е ждѹт | пока́ не взыщутся́ и призовутся́.
Злы́е ж |, сему́ напротив, сѹть смѣлы, обманчивы, дерзкы
Скоро́ вкрасться́ | во всем угодѣть, притворяться́ и́скусны,
Сдѣлать | готовы́ все |, что противно́ | совести́, чести́».

П. Это не стихи.

Б. Первой, хотя стих, но очень походит на прозу, для того, что в нем меры времен (rithme) не суть стихотворны. Ибо стопы слов в их последовании одна за другою, не суть благогласны, а особливо после долгого *ждут* читать *пока* хореем. Если же будешь его читать спондеем, а *и призовут* не дактилем, а триврахийей, что также очень ловко, то стих будет гораздо лучше. Читай сии стихи по сделанным отделениям и поставленным ударениям, то оне покажутся благогласнее. Сказать ли тебе мое истинное мнение? У нас разумеют, что есть дактилий, а не *шестистоп* дактилохореической и дактилоспондеической (да простят мне все школьные учителя и все стиходетели употребляемое мною здесь наименование!) и *шестистоп* дактилотриврахийской,¹⁰ а из шестостопов сих трех названий может быть истинной шестостоп российской, которой можно употреблять с успехом. Читая Тилимахиду, всегда ищут в ней дактилий, и читают ее всегда дактилием. Клопшток сие запрещает именно; и если его Мессию читать так же станешь, то вместо его благогласных стихов выйдут скачущие и жесткие дактилохореи. Но читая по стопам слов, то находишь в них благогласие непрерывное. стих в ухе не звенит и его гармония есть точно та, какую в стихах искали греки и римляне.

П. Я никогда не воображал себе, чтобы в Тилимахиде мог быть стих порядочной. Его смерть и Кервер суть смехотворны:

«Дивище мозгло, мослисто, и глухо, и немо, и слепо;
Чудище обло, озорно, огромно с тризевной и лаей».

Б. Конечно так; но отчего? Не от дактилия и не от шестистопы, но от нелепых слов: *дивище мозгло*, ибо то и другое в Поэму не годится. И Тредьяковский не дактилиями смешон. но для того, что не имел вкуса; он сделал дактилии смешными, он стихотворец, но не пиит, в чем есть великая разница. Если растряхнуть котомки иных наших славящихся парнаских рыцарей, то не лучше что из них вылетит, как что

излетело из Пандориной коробки, но не зло, не болезни и не недуги, но стихи нелепые дерут слухи, и достойны поместиться в Тилимахиде. Но дабы никого не оскорбить, мы воздержимся от примеров. Знаешь ли верное средство узнать, стихотворен ли стих (если так изъясниться можно)? Сделай из него предложение, не исключая ни единого слова, то есть сделай из него прозу благосклонную. Если в предложении твоём останется поэзия, то стих есть истинной стих; напр.:

«О ты, что в горести напрасно» и пр.¹¹

Преложи его как хочешь, перенося, но грамматикально, слова сей строфы, то и в прозе будет Поэзия. Преложи многие строфы из оды к Фелице, а особливо, где мурза описывает сам себя, без стихов останется почти то же поэзия, но преложи... и без предубеждения скажи, что вышло? Но мы Тилимахиду забыли, а я вижу, ты ее сложил, разогни опять и продолжим. Читай здесь:

«Тотчас и хлынул поток мясobaгp из него издыхавша».

П. Какой нелепой стих!

Б. Нелеп совершенно. Но чем же?

П. Да тем, что сказать то же можно лучше:

И се поток багров течет из ран глубоких

Едва он жив, едва он дышет.

И се поток багровой вдруг хлынул из ран издыхавша.

Б. Согласен. Твое предложение сделано с разборчивостью и со вкусом. Но Тредьяковского стих более картина, но без вкуса; а если бы он у него был, то бы стих его был бы может следующей:

Я не имел уже и утехи бедная, выбрать

Кое-нибудь одно, меж рабством и смертию в горе;

Надобно стало быть рабом и сносить терпеливо, и пр.

П. Стихи очень слабые!

Б. Не только стихи слабые, но и слабая проза, чего везде довольно. Теперь будь уверен в том, что читая иначе стихи Тилимахиды, много найдешь стихов, слабых и стихов посредственных, ибо и сама мысль преложить Телемака в стихи есть неудачное нечто. Но теперь постараясь найти стихов, хотя несколько, хороших, где много гармонии; ибо мимоходом заметим, что в Тилимахиде есть стихов много нелепых, но благогласных. Вот пример стихов негладких, где благогласия очень много:

«Гор посредине крутых буераки столь преглубоки,
Что едва осиять глубь может солнце лучами».

Но выслушай следующее:

«Сто́лько ж | гру́бых, | ско́ль та́ вся зе́мля ди́ка и ре́бриста».

Читая первое отделение спондеем, второе хореем, третье послудолгими, если так их назвать можно, кратко-долгими или долго-краткими, то есть как просодия нашего языка требует, и ударяя сильно на последнем слоге сего отделения, читаешь в последнем две кратких и хорей. Сколь от сего произношения, то есть читая стопами слов по Клопштокову наставлению, стих хорош, столь он дурен, если читаем его размером хореев и дактилий.

«В сей час | я у́смотрел |, что́ го́ра | ко́леблется́ страшно́.

Дубы́ и сосны́ | мне́ ка́зались, сходя́щи | с хребто́в го́р».

Как хорошо в первом стихе, после начальных спондеев и долгого ударения, на конце третьего отделения следуют четыре одинаково краткие в *колеблется*, и полудлинные спондеи в *страшно*.

Во втором: в первом отделении дактиль и хорей, во втором столь поспешные пять почти равно кратких и в окончательном три длинные, из коих первая долга, но две последних посредством глухого *о* от *ѣ* за ним стоящего, столь же, кажется, тяжелы, как хребет горной.

«Пре́вознесет́ся | сла́ва до́ самы́х свети́л, | до́ звезд по́днебесны́х».

Какой стих! я уверен, что и сам Ломоносов его бы похвалил. Не только в нем числительная красота, красота мерная времени, но и самая изразительная гармония, происходящая от повторения букв *е* и *ѣ* с *д* и *н* сперва в запинательной стопе слова *превознесет́ся* кратко-долгими, потом ямб с анапестом в окончательном отделении. Я знаю, что кто бы более имел вкуса, не сказал бы: звезды поднебесные.

«[Коя] приводит в лед всю кровь, текущую в жилах».

Не порицай пожалуй слабого *приводит* вместо *превращает*: ибо первое тянется, мерзнет; а другое с повторительными *р* после гласной, скорей сходствует с кипеньем воды на огне, нежели с охлаждением крови в жилах.

«И к воздержанию всех стремлений юности резвой».

Нет, кажется, уже нужды замечать красоту от повторений *е* и *ѣ*, *и* и *ю*, соединенно со скоростью слов *воздержание*, а паче *стремлений*, в середине стоящего.

«[Да и тех положил] сень смерти своими стрелами».

Как томно! Или:

«Праздна уже колесница сама свой бег направляла».

Какая легкость!

«Слышимо было | везде | одно щебетанис птичек,

Иль благовонный дух | от Зефиров | веющих тихо,

С ветви на ветвь | древес | прелетающих | в шуме прохладном..

Иль журчание | чиста ручья | упадающа с камня».

Четыре хороших стиха; после двух хореев, составляющих первое отделение, и запинание легкого спондея (помните, что я говорю о стопах слов, а не о стихе) второго отделения, шесть кратких, меж которых только три долгие; одну и первую из них произнести надлежит кратко, на вторую чуть опереться и сделать ударение на третис, при помощи повторительных сначала *о*, а на конце *я*, *и* и *е*, кажется, слышно песни не соловья, не снигиря и не малиновки или пеночки, но чечета, клеста а может и дикого чижа и щегленка. Раздробите второй стих и найдете, что его красота происходит от длинного первого отделения, где гласные *а*, *о*, *о*, *ый* льются, так сказать, в слове *благовонный*, преломляемые мягкими только согласными, и препинаются плавно на слове *дух*; потом, прешед тихо дрожание второго отделения, окончивают точно так, что изображают. В третьем стихе посмотрите, сколь изразительны три первые отделения, а в четвертом два первые отделения, где посредством слогов: *журч. чис. руч.*, которые одно за одним следуют, не слышится ли то, что автор описывает? а в последнем отделении в слогах, звучностию похожих, и с ними гласное одинаковое *па, да, ша, ка, мя*, изображают будто падающие воды на камень.

П. Изъяснение твое изрядно, но или я ничего в сих стихах не слышу, или препятствует тому великое предубеждение.

Б. Вероятно последнее.

«[И] воздымало волны, катя огромны, что горы».

Если б не было нелепого *что*, то стих был бы очень хорош.

«Издали гор и холмов верхи пред взором мелькали».

Но таких примеров очень много и повторяя их можно наскучить.

П. Еще немного.

Б. Выслушай следующей стих и особливо первую столь изразительную половину стиха.

«Дыбом подняв лев свою косматую гриву».

А все сие происходит от повторенного звука *дыб-ом-под-няв-лев*.

«Зев отворяет сухой, и пылко пышущий жаром;
Ярки лучи его верхи гор всех позлащали.
Гора Ливана, коея верх, сквозь облаки, звезд достигнуть
стремится.

Вечный лед чело ея покрывает, не тая».

Сии два стиха, следуя один за одним и изображая две картины одного и того же предмета, суть хороший пример изразительных гармоний:

«В нем не находишь теперь кроме печальных останков
От величия, уже грозяща падением громким».

Вот три стиха, в которых повторение гласной *и* делает один изящным, а два дурными:

«И мы видели, там все страхи близкия смерти.
Книга, держама им, была собрание Имнов,
Яви стези итти премудрости за светом».

Отчего же так первый хорош, а два другие дурны? Кажется, все чародейство изразительной гармонии состоит в повторении единозвучной гласной, но с разными согласными. Во втором стихе в начале *има*, *им* и на конце *ние*, *им* несносную делают какофонию, так, как и в третьем *стези итти... сти*.

«Тайна и тиха мною всем овладела расслаба,
Я возлюбил яд лестный, лился что из жилы в другую».

Какая сладость при дурном выборе слов; или какая легкость в следующем:

«Зрилась сия колесница лететь по поверхности водной».

А еще легче действительно, как нечто легкое, виющее по ветру:

«И трепетались играными ветра, вьясь, извиваясь».

Сказанного мною кажется уже довольно для доказательства, что в Тилимахиде находятся несколько стихов превосходных, несколько хороших, много посредственных и слабых, а нелепых столько, что счесть хотя их можно, но никто не возьмется оное сделать. Итак, скажем: Тилимахида есть творение человека ученого в стихотворстве, но не имевшего о вкусе нималого понятия.